

ЧИТАЯ письмо Центрального Комитета партии о рациональном использовании электрической энергии в народном хозяйстве, я понял: письмо обращено ко мне. Говорю об этом без всякого преувеличения. И я убежден — то же чувство испытали миллионы людей во всей стране.

В том и могущество мудрого, прямого, открытого слова нашей партии, что всегда обращено оно к сердцу и разуму каждого человека на советской земле.

Обращено это слово и к нам, писателям. Первым побуждением после чтения письма было тут же погасить лишние, ненужные в эту минуту электрические лампы в комнате, в квартире. Побуждение чуть навязчивое, хоть и вполне законное.

Но в том-то и дело, что партия призывает нас всех не просто и не только экономить электроэнергию, а главное — задуматься над проблемами технического прогресса в энергетике, над тем, чтобы экономя стала средством дальнейшего движения вперед, рычагом для нового наращивания, накопления гигантских сил в народном хозяйстве.

В самом деле — рассеивание светового потока вверх неэкономичными светильниками, как говорится в письме, настолько велико, что над городами ночью образуются огромные зарева огней. И вот только замена даже полноватых ламп накаливания современными люминесцентными лампами может дать годовую экономию около двух с половиной миллиардов киловатт-часов электроэнергии!

Не обидно ли, что именно в нашей стране, создавшей первые люминесцентные лампы, из-за небрежности некоторых руководителей предприятий эта отрасль современной техники развивается слабо? А в Болгарии я видел в этом году десятки километров загородных шоссе, освещенных экономичными лампами нового типа, к тому же более светосильными, чем лампы накаливания.

Столь же внушительные, впечатляющие цифры приведены в письме о возможной экономии электроэнергии от внедрения электрондукционного нагрева деталей при термической обработке, от замены ручной электросварки автоматической, от выплавки стали в электрических печах с применением кислорода и т. д.

В ленинских трудах я перечитал отрывки, посвященные вопросам экономии. Еще в марте 1918 года, определяя важнейшие для страны задачи, Владимир Ильич подчеркивал одну из главных: «Организация соревнования между различными (всеми) потребительно-производительными коммунарами страны для неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов...»

Заметьте, уже тогда, в необычайно трудное для молодой Советской республики время, Ленин ставил рядом две задачи: экономии труда и продуктов и переход к высшей технике. И ныне, на новом историческом этапе, в период мощного развертывания неисчерпаемых ресурсов социалистической экономики, партия следует тому же ленинскому принципу: экономия — путь к новому расцвету техники, науки, наконец, лучших условий труда и быта миллионов людей.

Шли годы, а Ленин не устаивал повторять: «На хозяйственной работе нужно — пусть это не совсем подходящее слово — известное «скопидомство». А вот «скопидомничать» — то мы еще не научились». В марте 1922 года Ленин опять говорит:

В СУББОТНОМ НОМЕРЕ:

★ Е. Кригер. Адресовано всем.

★ Л. Успенский. Чистый воздух.

★ С. Маршак. Главы из книги.

★ Н. Москвин. Затруднители жизни.

★ И. Андроников. Свято помнить

и читать.

★ Г. Николаева. Умение писать

и умение сокращать.

★ М. Турсун-заде. Новые стихи.

★ С. Калашников. Любимая мольба.

Фельетон.

★ Стерно Спассе. Письмо другу.

★ Лазар Силчи. Литература

орлиного полета.

★ В. Ейисеева. Тост Хаджи Брегу.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 146 (4112)

Суббота, 28 ноября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Адресовано всем

Евгений КРИГЕР

«Не забываются о том, чтобы сберечь копилку, которая им дана, и не стараться превратить ее в 2 копейки, а составлять планы на миллиарды и даже триллионы советские».

Дневник ПИСАТЕЛЯ

думал о том, как партия в новых условиях по-ленински учит министров и рабочих, инженеров и руководителей совхозов, учит всех нас превращать социалистическую копейку в две копейки. Только теперь за этими символическими «копейками» — вся сущность наших электростанций, первоклассных заводов, великолепно оснащенных научных институтов и лабораторий.

В том-то и дело, что экономия нам нужна сегодня не из-за бедности нашей, а из-за богатства, материального и духовного. Экономия электроэнергии, в частности, партия рассматривает как средство, побуждающее людей производства, техники, науки к новым исканиям, к новому движению вперед в использовании природных богатств на пользу человеку.

Еще одно место тронуло меня в письме Центрального Комитета, в нем сказано: в огромных зрелищах огней над городами беспечно сгорают труд человека...

Нас призывают ценить и беречь плоды труда шахтеров, добывающих уголь для электростанций, железнодорожников, доставляющих уголь к котлам, энергетиков, имеющих дело со сложнейшей техникой, маневрирующих мощностями, чтобы всегда ровно и ясно горел свет в наших домах, на наших заводах.

Казалось бы, в письме речь идет о делах сугубо хозяйственных. Но и здесь проглядывает высокий гуманизм ленинской партии, советского строя жизни. Все во имя человека! Человек — превыше всего!

На одной из электростанций Ленинграда я услышал профессиональную поговорку энергетиков:

— Электричество неправды не любит. Другими словами, электричество не прощает малейшей небрежности, промахов, ошибок. Ничтожный просчет грозит аварией, замыканием, выходом из строя важных агрегатов. Будем помнить об этом. Ведь это касается всех нас. Нередко я замечаю, например, как в сил-

нии дня вдруг загораются сотни светильников на улицах Москвы. Горят и горят бесполезно. Может быть, это вызывается какой-то технической необходимостью? Но и в этом случае пора бы придумать какой-то более экономичный способ проверки системы. Таких примеров — тысячи.

Наш общий долг — помочь непрестанному наращиванию технических ресурсов страны. Не малую роль могут сыграть здесь книга, журналистика и газетная статья, слово литератора в помощь большому партийному и государственному делу.

И все же... И все же, выходя из рабочей комнаты, из любой комнаты, где никого не остается, не поленитесь выключить свет.

Ведь это так просто.

Лев УСПЕНСКИЙ

ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ

НЕДАВНО мне рассказали одну поучительную историю.

Лет сорок пять назад жили в Петрограде два друга-гимназиста. Оба учились на Васильевском острове, изучали вместе «консекцию темпорум» (было такое правило в латинской грамматике), разлагали многочлены на множители; рядом стояли по ночам в очереди на Шалыгина и «художников», оба были влюблены заочно: этот — в балерину Локот, тот — в певицу Липковскую... Словом, росли они и жили, как жили многие их сверстники вокруг.

Потом грянул гром, и судьбы одинаковые стали судьбами разными. В двадцатом году один из друзей громил интервентов, защищая молодую республику, а его друга в эти же дни поезд унесил в заграничное далекое, прочь от революционных бурь. Потом, когда первый стал молодым советским ученым, химиком, забыл, как выглядят дуглазый орел и как пишется буква «ять», второй, где-то там, не то в Дакоте, не то в Орлеане, унаследовал от родителей жены-француженки маленькую книжечку лавочнику и все еще писал в дневниках «деловал ея руки».

Гром грянул вторично. В январе 44-го года ленинградец был ранен во время прорыва блокады и лежал в госпитале в Лежайске. В том же январе орлеанец влисковое начальство перелазло гестапо как одного из самых законспирированных и до последних дней оставшихся вне подозрения мафи.

В наши дни пути человеческие неисканые, первыми полетим на Марс? Я (да поведими). Полуфранцуз вернулся в Россию, поселился в Москве. В журналах были напечатаны две-три его заметки о движении Спротивления. Одокашники наши друг друга. Новый москвич приехал к старому ленинградец и, сказав по правде, не стыдился своих слез, едучи с вокзала на Васильевский через ветреную, сызую Неву.

Город они осматривали не по туристским — по своим собственным маршрутам. И вот светлым, теплым вечером где-то в нячем не примечательном месте гость остановился и встал за руку хозяина.

— Нет! — сказал он вдруг. — Не могу понять! Зачем вы их сюда не возите? Почему вы им этого не показываете?

Хозяин не понял. Тогда гость разразился бурным монологом.

— Да пойми же ты, — шумел он. — Когда они приезжают откуда, вы ведете их на огромные заводы, но заводы у них тоже есть, и не плохие. Вы показываете им вапы высотные здания. Они говорят «о!»; но думают о небоскребах Нью-Йорка... Metro! Да, оно роскошно, но ведь парижское метро длиннее и — тоже работает. Так почему же вы не при-

УСПЕХА ВАМ, ДРУЗЬЯ!

Вчера оперой Д. Юсеева «Побратимы», повествующей о дружбе русского и бурятского народов, в Москве открылась Декада бурятского искусства и литературы. Это — вторая встреча с деятелями культуры республики. Первое знакомство состоялось в 1940 году. Выросли и окрепли за это время нады национальные театры культуры, появились новые театры. В 1940 году в Москве выступил лишь один музыкально-драматический театр, в репертуаре которого было всего три спектакля. В 1948 году на базе этого театра создан театр оперы и балета, известный далеко за пределами республики. В его репертуаре — первая бурятская опера «Энх-Булат батор», оперы «У подножья Саян», «Побратимы», «На Байкале», балеты «Красавица Ангара», «Свет над долиной», «Золотая свеча», «Во имя любви» и опера «Князь Игорь».

В программе русского драматического театра — пьеса «Снегов грозы» И. Кычанова, посвященная жизни В. И. Ленина в Шушенском. Спектакль «Барометр показывает бурю» Д. Батомбаян в бурятском театре драмы повествует о героической деятельности революционера Ивана Бабушкина в Сибири. Всего за время творческого сотрудничества в Москве будет показано 12 оперных, драматических и балетных постановок. Сегодня — торжественное открытие литературной части декады.

На снимке: заслуженные артисты Бурятской АССР М. Чайванэ и И. Снольчихина, дирижер Ч. Павлов. Фото А. Килзева

везете их всех — миллионеров и лавочников, кинозведов и чиновников, учителей и рантье — сюда и не покажете им этого? Ведь это-то для них совсем непредставимо! Этого они и во сне не видят...

Ленинградец в некотором недоумении огляделся. Вокруг все было совершенно непримечательным. Светилась витрина «Гастронома». Проезжали автобусы. Шмыгали такси.

— Позвольте... Чего «этого»?

И тут гость взял хозяйина под руку. — Да, да, — проговорил он, — конечно! Ты тоже этого не замечаешь... Ты, как наша Женевева: она жила всю жизнь на виноградишках и не понимала, почему нас, горожан, изумляет тамошний воздух, чистый воздух... Она никогда не выдыхала другого... Ну, ладно, попробую объяснить...

Ты помнишь, как мы с тобой тогда в тринадцатом каждый день ходили из гимназии вот по этому самому Большому проспекту. Мы шли. Мимо нас бежал народ, много людей. На всем протяжении улицы горели фонари, сыпал вытритый, громоздился дома. Это было нашей жизнью, и мы часто говорили (спорили!) о будущем. Ну вот, представь себе, что ты тогда сказал бы мне: «Знаешь, через сорок пять лет Россия станет могучей технической страной; ее самолеты полетят через полюс... Корабль пойдет во все порты...» Ну что же? Я бы пожал плечами — ой ли! Но, впрочем, — возможно...

«Да, — сказал бы ты, — мы, русские, первыми полетим на Марс? Я (да почему) — а! Каждый в то время) улыбку бы нас. Ну, дружок, не покоем... Однако, конечно, чем черт не шутит? Умом Россию не объять...»

И вдруг ты сказал бы мне еще: «А главное — вот тут, на этой улице, мы с тобой будем стоять через полвека, и в друг друг так же будут спешить люди, крутиться колеса, бросать отсытки одна магазин, но на всем протяжении проспекта не будет ни одного собственника, ни одного хозяйчика... Ты не сможешь поздравить лавочника на «собственной» клаче; не сможешь купить булку, испеченную в собственной лавочке. За все эти столетия, за грузами товаров не будет ни одной старой ведьмы, сущей вырочку за чулок, ни единого брющака, подпочивающего свой черный доход при свете лампы. Все это — товары, кассы, склады, витрины — будет государственное, нарпое... Ты представляешь, что я бы тебе ответил тогда? Я бы ничего не ответил. Я бы пошутил тебе лоб: каких это ты утонил начался? А ведь вот это из чудес чудо, вот оно — перед нами. И вы ходите в его сиянии и не замечаете его, как моя орлеанская Женевева не замечала чистого воздуха... Вот что меня бесит! Именитли в мире самую его ось: вынули одну дружину жизни и вставили другую. А гордитесь чем? Вот это покажите чудачкам; растолкуйте, что это — у вас есть, тогда увидите...

никакие сторожа, никакие заборы не могли уберечь их плантации от разгрома.

Удивительная вещь, чем все-таки объясняется такая перемена нравов? Мне кажется, дело не просто в выросшей честности, не только во вновь родевшейся сознательности, в новом понимании своего и общего. Все это — тоже есть, но имеют еще и более глубокие причины. В 1944 году в столице одной страны, ставшей затем демократической республикой, мне пришлось наблюдать отвратительную картину. Двое офицеров-американцев, похрустывая зелеными бумажками, побравливая валюткой, подражали хмурых местных людей на разные нетрудовые; по унизительные их достоинство «работы»; просканать на одной ножке до угла поперечной улицы, посадить нагимателя на плечи и донести до другого тротуара. Кто хочет доллар, парня?

Мне неприятно писать, но охотнее находились. Неожотно, угрюмо люди протали ладони, прятали «валюту» в карманы и, криво улыбаясь, нагибались перед работодавателями. Их окружала молчаливая толпа, и только поодаль три круглоглазые красноармейки-регулирующие, наткнувшись на эту сцену, бурвалыно кишили от возмущения.

«Товарищ капитан, — бросился он ко мне, — да как же это можно? Это же воспринять надо! Такое безобразие, эксплуатация кака...»

Один из местных людей, оказывавший, понимал по-русски. «А почему ваши солдаты шумят? без всякого повода стрелок ош! — Ведь людям же дают зарабатывать... Деньги — всегда деньги».

Ох, как взорвались наши «солдаточки»! «Ну, знаете... Нам про это в школе рассказывали, так мы не верили, что может быть... Заработать! Да ты сунься у нас в Куйбышев, к кому хочешь, чтобы он тебе на одной ножке скакал; попробуй, получи ему доллары... Да если бы мне кто сказал, неси такого орысину на спине, так я бы его...»

И мне стало удивительно ясно, как изменилось за время моей жизни самое понятие «деньги», самое отношение к «капиталу», к «выгоде», к «барышчу», к «работе» в моей стране... Наше слово

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ФИНЛЯНДИИ

Находясь в Финляндии по приглашению финляндских организаций писателей делегация Союза писателей СССР в составе А. Салынского, В. Инбер, М. Танка и Р. Ованесова совершила поездку по стране, посетив Хельсинки, Тампере, Ювяскюля и Порво. Во время поездки члены советской делегации имели ряд встреч с писателями и деятелями культуры Финляндии. 25 ноября посол СССР в Финляндии А. В. Захаров устроил прием по случаю пребывания здесь советских писателей. На приеме присутствовали министр просвещения Финляндии Хосиа, финляндские писатели и деятели культуры.

МЫ ЭТО СКОРО УВИДИМ

...Медленно поднимается гофрированная дверца сейфа, осторожная рука бережно достает старую рукопись. Хорошо сохранившиеся листы испещрены поправками, скосками; на поля узким столбиком вынесены пометки, слова подчеркнуты одной, двумя короткими линиями, некоторые очерчены, словно взятые в рамку. Нас охватывает волнение — мы видим знакомую каждому из нас по фотокопии, неслучайно повторившей по черку Ильича. Статьи, конспекты, тезисы. Но здесь не копии, это подлинники, написанные рукой Ленина.

Отсюда, из хранилища ленинских текстов, начнется фильм-рассказ «Рукописи Ленина».

Московская киностудия научно-популярных фильмов взялась за почетный труд — показать зрителю Ленина-публициста, воссоздать лабораторию ленинской мысли, сделать осязаемым и ясным творческий процесс рождения одной лишь статьи Владимира Ильича — от

первых ее строк до завершения. Как работал Владимир Ильич над созданием своих произведений? Впервые кино ответит на этот вопрос на материале вдохновенно и взволнованно написанной ленинской статьи «Новые задачи и новые силы». Эта статья была начата Владимиром Ильичем в начале 1905 года в Женеве. Ей предшествуют несколько вариантов рукописей, конспекты. Сохранившиеся ленинские записки возвращают нас к зарождению этой выдающейся творческой работы Владимира Ильича, к первой мысли об этой статье, возникшей у Ленина при чтении писем, сообщений о революционных событиях в России в начале 1905 года. Мы видим письма, полученные Лениным из разных городов России. Здесь, за рабочим столом Ильича в Женеве, незримо присутствует вся Россия. Мы переносимся в старую Женеву. Здесь 4 января

1905 года вышел первый номер созданной Лениным большевистской газеты «Вперед». Четвертый номер газеты, который мы внимательно рассматриваем, посвящен событиям 9 января — все его страницы почти целиком написаны Лениным. И вот появляется в кадре запись, сделанная рукой Владимира Ильича. Первая мысль о большой задуманной им работе: «Для № 6 не написать ли передовицу на тему Пробная мобилизация».

Но вышел шестой номер газеты, мы следим за всеми ее полосами, а статьи этой нет. Есть, правда, другая статья Ильича «Две тактики», но той, о которой он сделал запись, нет пока. Ленина не покидает мысль о задуманной работе на тему о мобилизации пролетарских сил. Сохранившиеся ленинские записки помогают нам проследить это очень четко: «(название, пожалуй, не годится, ибо слишком общее, почти шаблонное, не выражает перехода пролетарского движения в революцию)». И чуть дальше, в следующих кадрах, есть такая строка, написанная той же рукой:

Зл. дня=воост. Так рождается новое название, — мы его видим: ЗЛОБА ДНЯ.

Оно подчеркивает два энергичными чертами. №№ 7 и 8 «Вперед». Статьи еще нет. Почему же? Мы узнаем это из записки, где Ленин

А. ЛАЗЕБНИКОВ

ЗДРАВСТВУЙ, ЗИМА!

Под покровом ночи и тумана в Москву вступила зима. На трамвайной остановке ее первыми приветствовали последние пешеходы. Фото В. Ахломова

ВПЕРЕД Газета «Вперед» (№ 9), в которой была опубликована статья В. И. Ленина «Новые задачи и новые силы».

Москва-река ждет первого льда. А наток уже дождлся. И сотни тщательно наточенных коньков как бы чертят на льду долгонданные слова: «Здравствуй, зима!»

ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

«Денги» в наши дни приходят не просто переводить на английский или французский язык, чтобы оно по-русски и по-английски стало значить одно и то же. Его надо еще переобъяснить: понятия, которые стоят за ним, совершенно различны у нас и за рубежом.

В САМОМ деле, посмотрите, и вы увидите, как сильно и полно освоившись уже наши районы люди от проклятой власти «дешетого дьявола». Я говорю, конечно, не о самых простых, всем известных примерах, вроде введения в практику трамвая и троллейбуса без кондуктора или нигде не контролируемой покупки газет и спичек в Москве: это явления хорошие, но еще не принципиально новые — в мире капитализма тоже известно такое. Правда, до революции старый финский ресторатор, содержавший на пограничной станции Белостров такой же буфет без человека, объяснил нам, экскурсантам-гимназистам, основу своего этического оптимизма. «СВ-таки сестный человек больше, чем шулка... СВ-таки — польза коровки три шулки в день, чем дергать одна официант...» Основа тогда была довольно приземленной. У нас принципы бесконтрольной продажи иные. Но есть здесь еще одна мало заметная тонкость. Приглядитесь к работе бескондукторного транспорта: та же самая домохозяйка, которая до хрипоты сражается «из принципа», как она говорит, с человеком-кондукторшей за несданные три копейки сдачи, она же, не сморгнув глазом, оставляет лишний гривенник стеклянной ашичку-автомату в вагоне без кондуктора, если не обнаруживает там подходящей мелочи: «Ну, подумай же!.. Но разорюсь!»

Тод назад я отправился в таверну на Охту. Шерф, молодой парень в жокате, оказался очень разговорчивым человеком. Счетчик не показал и первого рубля, а он уже выныснул, что я — писатель и еду в школу на так называемое «выступление».

С соседним удовольствием, он сообщил: «Повезло! Шесть лет езжу; художников возил, багетин возил, а писателей не было... а сегодня предпоследний день работаю—писатель попался. Интересно!»

Я выразил удивление: почему же предпоследний день? «А я,—легко управляясь с барачкой, объяснил он,— бонич заочно элекотехнический... В пятницу диплом защитил; теперь это дело прекращать надо».

— Ах, вот оно что! — сказал я.— Пись вы какой... Прямо положительный персонаж из современного романа. И как же? Будете теперь инженерствовать?

— Да как вы скажете? — как бы не сколько но доверяя самому себе, весело усмехаясь, ответил он.— Конечно, у меня

на с женой и с тещей еще не все согласовано; они еще оппозицию не прекратили. Но... подал я заявление в консерваторию... На какой? Да на дирижерский факультет... Да видите, дело-то какое! Это верно, еще пять лет трубить... Это точно; пока суд да дело, больших денег я не заработаю... Но — денги, денги!.. При чем тут денги, если я с малолетства такую мечту имею: дирижер! Неужели из-за рубля я буду от мечты отказываться? Ничего, как-нибудь, выдоху, не привыкать. А жена? Ну, жена — то сердится, то смеется. Видно, говорит, мне подругам как никогда и не объяснять, за кем я замуем: не то таксер, не то дирижер... Но это-то что; а вот я вам про моего товарища расскажу историю, так у того все, как в сказке...

И он, забыв о своем позитиве поразительно пути, начал торопливо повествовать мне о самых примитивных, но зато освещенных словом «любовь» семейных осложнениях другого человека...

А на днях на той улице Ленинграда, где я живу, произошел еще один любопытный случай.

Магазинная лоточница получила для продажи на улице несколько (довольно много!) яицков свежих яиц. Заглянув в накладную, она установила, что продажная цена семь рублей десятков, и развернула торговлю. Дело шло быстро, гора стружки росла на тротуаре, ящики, уже пустые, громоздились у стены, и через короткое время все было кончено. И тут пришла беда. Снова взяв в руки накладную, женщина убедилась в своей ошибке: цена была не семь, а девять рублей... Легко представить себе ее состояние: образовался просчет не в полторы тысячи, не в тысячу восемьсот рублей... Директор магазина разволновался: «Ну, а что же я могу сделать? Понимаю вас, милая, верю, но... Придется покрывать...» Покрывать! Почти две тысячи рублей! А жить-то как?

И вот попавшей в беду женщине пришла в голову мысль, которой она сама побоялась поверить. Дрожанием почерком она написала химическим карандашом несколько робких объявлений. Гражданин, купивший у нее уцененные диетические яйца по семь рублей десятков, она извещала о своей ошибке и просила по возможности помочь ее горю, доставить по два недоплатенных рубля. Объявления были размещены на Красной улице, на площади Труда, так сказать, «в этом микрорайоне». Окружающие были настроены если не скептически, то неуверенно: тысяча восемьсот рублей недоста! Это же девятьсот безманных, неуловимых покупателей, да еще при условии, что все брали по целому десятку. Это какие-то старушки, хозяйки, это студенты из ближних общежитий, это почтенные холостяки-мужчины и ре-

бета-школьницы, прибегавшие к магазину по поручениям матерей... Где они все теперь — ищи-свищи их... Конечно, найдутся честные люди, пососветят, покажут, принесут... Но сколько их будет, таких честных?

Хотите знать, чем кончилось это дело? «Недовесенными» из двух почти тысяч осталось только двести рублей. И если бы мы попоробовали плохо подумать об этих ста покупателях, не откликнувшихся на призыв, нам пришлось бы столкнуться с негодованием и самой пострадавшей, и ее сослуживцев по магазину: «Ну уж, гражданин, это вы напрасно... А если человек из другого района на наш лоток купил, откуда он узнает? А если он из-за города преезжал? А может быть, заболел... Нет, гражданин, неправильно: народ теперь совсем другой пошел...»

Это верно: совсем другой. Тот самый народ, который запускает спутники и лунники, который преграждает течение стремительнейших рек мира плотинами, который удивляет весь земной шар неслыханными подвижками и на полях брани, и на площадках гигантских строек. Но в то же время и тот народ, который не срывает неохотными роз в своих свекрах, который умеет поставить мечту выше сегодняшнего мелкого, платяного и мебельного благополучия и хочет ездить в бескондукторных вагонах и покупать в неконтролируемых магазинах, и приходит на работу точно в срок и уходит, если нужно, даже после срока, те веяния неуловимых номерков, но хронометру большой государственной народной совести. Это — народ, вот уже сорок два года дышащий резким и острым чистым воздухом больших высот, так же привыкший к своей особенной высокой моральности и идейной атмосфере, как привыкает какой-нибудь сван к холодному дымящему гор — настолько, что не замечает его цетиельной кристальной прозрачности...

СВЯТО ПОМНИТЬ И ЧТИТЬ

К столетию Литературного фонда

В связи с юбилейной датой по инициативе правления Литфонда СССР в Центральном Доме литераторов была открыта однодневная выставка. Кроме той части, которая убедительно отражала размеры строительства домов творчества и удовлетворение жилищных и бытовых нужд, на выставке были представлены материалы Центрального государственного архива литературы и искусства и Государственного литературного музея, освещающие историю Литературного фонда. И надо сказать, что каждый экземпляр этого исторического раздела был многозначительным и вслушающе интересным — и фотография, на которой мы узнавали основателей Литературного фонда — Чернышевского, Тургенева и Дружинина, и афиша любительского спектакля в пользу нуждающихся литераторов, где в роли городничего значится А. Ф. Писемский, в роли почтмейстера Шпеклина — Ф. М. Достоевский, Хлестакова — поэт-сатирик и переводчик П. И. Вейнберг, купца Абдулина — А. Н. Островский, а в толпе остальных купцов — Тургенев, Григорович, Майков, Дружинин, Кривский и Курочкин.

С величайшим интересом читались мы в строки, писанные рукой Некрасова, сообщавшего об отчислении в пользу Литературного фонда 66 рублей серебром. Глубокий смысл заключен в короткой расписке — в получении ста рублей — нуждавшегося целую жизнь Николая Успенского и в программе «Чтения» в пользу Литературного фонда, в которой за именем Достоевского следуют имена Некрасова, Чернышевского, Курочкина и приглашенного к участию в вечере знаменитого скрипача Г. Вивьенского и композитора А. Рубинштейна. Впоследствии эти чтения украсили своим участием И. Ф. Савина, знаменитый рассказчик И. Ф. Горбунов, А. К. Толой, А. Н. Плещеев, Я. П. Полонский и много-много другие. Рядом с этими драгоценными афишами на выставке можно было прочесть извлечение из вечера памяти Тургенева и Некрасова и письмо литераторов, объединенных вокруг Литературного фонда, выступивших в защиту памяти С. Я. Надсона, подвергнувшегося систематической травле на страницах «Нового времени»; этот документ подписан М. Салтыковым, Глебом Успенским, В. Гаршиним, А. Эртелем, Н. Златовратским, Г. Мачетом. После событий 9 января 1905 года члены Литературного фонда заявили резкий протест против ареста М. Горького, П. Якубовича-Мельшица и других литераторов. Сколько во всех этих документах заботы о литературе и писателе, сколько уважения к его высокому назначению и занятию! В них — в этих дошедших до нас документах и фотографиях — мы видим отдаленный прообраз и нашего писательского Союза, и нашего нынешнего Литфонда, и Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы.

Мы часто пишем и говорим о творческих наших традициях и гораздо реже — о традициях морально-этических, великих традициях, которые мы точно так же должны свято помнить и чтить. Материалы, показанные на развернутой в ЦДЛ выставке, имеют не только исторический интерес и касаются не только Литфонда. Хорошо было бы представить и экспозицию, скажем, Литературного музея, хотя бы репродукции с документов, непомнящих нам о том, что лучшие русские писатели на всем протяжении истории нашей литературы ощущали свой труд как часть великого общего дела.

Ираклий АНДРОНИКОВ

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Позвольте, товарищи, выразить горячую мою благодарность всем знакомым и незнакомым, но дорогим сердцу друзьям моей поэзии, которые в день моего шестидесятилетия подарили мне целое море тепла.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

ЕСТЬ особая ПОРОДА людей, которых следовало бы назвать: «затруднители жизни»

Николай МОСКВИН

ЭТО они делают скверы без сканеек; закрывают столовые «на обед»; открывают гостиницы без горячей воды; кафе — без кофе и чая; это они заставляют публику после спектакля протискиваться в одну открытую створку двери, и так далее, то есть каждый из них в своей области, по мере сил, усложняет нашу жизнь, делает ее в чем-то — мелком или крупном — неудобной, стесненной. Следы их работы мы встречаем то там, то здесь.

Вот сцена, происшедшая недавно на моих глазах.

В больничку, расположенную в центре Москвы, прибыл больной. Высокий молодой человек в белом халате, сидящий за столом в приемном отделении больницы, взглянув на направление больного, тихим, участливым голосом заметил: — Жаль, что вы поздно приехали... — А что, разве место уже занято? — Нет-нет, место свободно! — тем же любезным тоном успокоил он — Все в порядке, но я вызову врача...

Вскоре появились вызванная им женщина-врач, которая о чем-то, пожимая плечами, стала с ним совещаться. Мило и добро улыбаясь, женщина обратилась к больному: — Вообще, в это отделение мы принимаем до двенадцати дня, — сообщила она, — но мы вас устроим... Давайте ваши бумаги.

Пока она заполняла какую-то карточку, у вновь прибывшего было время удивиться: как же до двенадцати, когда центральный пункт только после двенадцати дает сведения о свободных местах в больницах! Сейчас всего три часа дня, рабочий день в разгаре, как же так? Может быть, все-таки место занято и его, нового, положат куда-то временно, чего не хотелось бы...

Ну, что вы! Место ваше свободно. Тут врач отозвался в соседнюю комнату, а потом и большого пригласили туда же на предварительный осмотр. Все шло своим обычным ходом, но в это время держалось какое-то «но»... Одна больная не беспокоилась, ибо на лицах окружающих было написано: «Хотя это и не положено, но мы устроим».

В это время вошел главный врач и, узнав, о чем речь, а также предупредительно осведомившись у больного, не загордый ли он, вселился, ободоряющим голосом сказал, что нет, нарушать положение не следует, и пусть больной... придет завтра и завтра займет свое, уже отведенное ему место.

И пошел дальше.

Подняв тонкие изящные брови и виновато улыбаясь, женщина-врач обратилась к больному: — Вы простите, но действительно, вам лучше прийти завтра до двенадцати... Дело в том, — она еще раз извиняюще улыбнулась, — дело в том, что кладовщик в этом отделении работает до двенадцати дня, и сейчас некому принять вашу одежду, которая должна остаться у нас в больнице...

Перед больным стояла милая, отзывчивая женщина. Она получила высшее медицинское образование, ей, конечно, не чужды высокие мысли о гуманности и чуждостью, но сейчас она, наперекор всему, покорно выполняла нелепое распоряжение, вынуждена была говорить какую-то бюрократическую, дремучую чепуху! Глупости! Вред!

Больной ушел и вернулся сюда на следующий день, чтобы наконец-то вручить особоуполномоченному, высокоответственному кладовщику свои бесценные штаны и рубашку для хранения (видимо) в стальном сейфе.

ЕЩЕ ОДНА встреча с работой «затруднителей жизни», в данном случае — детской жизни.

Этой весной в Подмосковье я был очевидцем такой картины. Навстречу мне по дороге шли пять-шесть школьников младших классов. Они были в каких-то странных переязках; у одного через грудь было проткнуто свернутое

Тысячи людей время от времени становятся транзитными пассажирами. Но «затруднитель», который встречается и среди рельсов, вокзалов и semaфоров, так порой состав расписания поездов, так пассажир на узловой станции, на валившись до удара на жесткий вокзальный диван, начинает даже подумывать о пропуске в этом здании, о прискансии себе какой-нибудь работы.

А иные продавцы? Бесстрастные, идеологические фигуры, стоящие за прилавком и механически изрекающие только «да» и «нет» и не стремящиеся посоветовать покупателю то или это; равнодушные к тому, купит он или не купит, — разве это не истинные «затруднители» не только того — обычно желанного — процесса, который у покупателя называется «покупкой», но и самой государственной торговлей?

ЗАТРУДНИТЕЛИ ЖИЗНИ

РАЗНОУДНОЕ, мутноглазое, не бывают среди них, как мы видели выше, и люди изнерастерные, привлекательные. Различные те области жизни, где они причиняют нам неудобства и затруднения (мы привели примеры лишь в их наглядном, откровенном проявлении, а могут быть примеры и не такие простые), но всех «затруднителей» объединяют скудоумие, лень и равнодушие к порученной им работе.

И к какой работе! К той, которую наш социалистический строй предоставляет каждому гражданину выбрать по сердцу, по призванию; к работе, которую не отнимет несуществующая у нас безработица! Как же можно ее не любить, не дорожить ей!

Конечно, бывают ошибки и заблуждения в признании. Это не грех и не беда, но, обнаружив это, надо тут же уходить, освобождая место тому, кто здесь же будет трудиться с любовью, с душой. Нерешительным надо помочь в этом честном порыве. Закопелось же надо гнать — решительно и непримиримо. От этого выиграют и они сами, и люди, для которых они работали, и государство.

ГДЕ ЖЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ?

РЕПЛИКИ

Редакция «Звезды» в ноябрьском номере, возмущая критику Н. Крымовой, автору опубликованной в «Литературной газете» рецензии на роман Е. Шереметевой «Всеныш», пишет, что рецензия «не отвечает обычным нормам критики».

Как на первое нарушение норм критики указывается на то, что, цитируя выдержки из романа, Н. Крымова исключает целые абзацы, заменяя их вставками, а на самом деле искажая текст?.. Бесспорно, серьезнейший укор. Но дело в том, что он лишен оснований. Развернутую выдержку из романа Н. Крымова вообще приводит только один раз. В интересах истины приведем эту выдержку. Речь идет о сцене после похорон, когда моряк Леонид уводит истерически рыдающую Алenu к кладбищу, потом — «вс произошло мгновенно: машина вильнула, круто пошла вправо, завалилась, ударилась о столб, стелла».

— Лена. Леночка. Любимая, слезная, желанная... Через платье она почувствовала, какие горячие у него руки. (Мимо пробежала синяя «Победа», фургон «Глазоконсерва», тяжелый груз...

Таким образом, наглядно доказывает: никаких искажений при цитировании Н. Крымова не позволила себе. Тогда выдвигается еще одно обвинение, более серьезное. Редакция «Звезды» заявляет, будто Н. Крымова скучающе называет прописной истиной проблему связи искусства с жизнью народа. Между тем достаточно обратиться к рецензии, чтобы убедиться: и это обвинение столь же бездоказательно, как и предыдущее. Н. Крымова ясно излагает свою мысль: не в том, конечно, винит она писательницу, что та обратилась к проблеме связи искусства с жизнью, и нигде не называет критик эту проблему «прописной истиной», суть критических замечаний Крымовой заключается в том, что как раз Е. Шереметева так измечтается и упреждает серьезные вопросы, что в ее романе они «выступают как до предела разжеванные, удобопонятные и довольно скучные моральки».

Бросив молодому критику укор в недобросовестности, редакция «Звезды» сама оказалась недобросовестной в своей аргументации. Так обстоит дело с теми самыми «нормами критики», на защиту которых намревалась выступить «Звезда» и которые сама же грубо нарушила,

С. МАРШАК

Главы из КНИГИ

1. Меж детством и юностью

Как из горного озера река, так из детства, которое весь мир представляется изредко неизменным и неподвижным, вытекает своеобразная и стремительная юность.

В первые годы жизни мы обходимся без календаря, да, в сущности, и без часов. В календарь заглядываем, главным образом, перед днем рождения, а часы напоминают нам о себе только тогда, когда время идет и обеду или ко сну.

Всё в детстве кажется нам устойчивым, неизменным, переносимым: город, улицы, названия улиц и лавок да и самые лавки, где продают крупу и соль в «фунтиках», а сахарные головы — в обертке из плотной яичной бумаги. Мороженщики с таратайками с пестрыми ширмами — все это как будто существует в неспешных временах, чуть ли не с начала мира...

В эти годы жизни вполне полагаешься на взрослых, которые известно, что бывают и чего не бывает на свете, что когда и как надо делать. Мир представляется нашему воображению загадочным, но вполне разумным, хоть пока еще нам знакомо только очень небольшое его частичка — наш двор да еще несколько прилегающих к нему улиц. Мы забываемся взрослых бесчисленными вопросами, но далеко не всегда получаем от них разумные, утешающие ответы.

Но вот наступает юность. Мир с необыкновенной быстротой разрастается — в него входят уже целые страны, материки и далекие звездные миры. Время становится считанным и раздвигается в обе стороны — в прошлое и в будущее.

Все на свете оказывается непостоянным, изменчивым и не всегда разумным. Мы начинаем замечать, что взрослые не так уж надежны — они часто ошибаются, колеблются, несогласны друг с другом, а иной раз даже противоречат себе самим и далеко не все на свете знают.

Нам теперь часто приходится действовать на свой собственный страх и риск. Дороги разветвляются, и на каждом перекрестке перед нами встает трудная задача выбора пути. Ко-какой житейский опыт у нас уже накоплен, и мы с нетерпением ждем и жаждем нового опыта.

Весь мир приходит в движение за какие-нибудь два-три года.

Он становится огромным и в то же время, — хоть это и может показаться странным и даже противоречивым, — так-то уменьшается в нашем сознании. Нам больше не кажется величавыми деревья на дворе. Не так заметен теперь замшелый камень, глубоко вросший в землю за старым заводом. Мы уже не сле-

В ближайшее время в журнале «Новый мир» будут печататься статьи воспоминаний С. Я. Маршак «В начале жизни». Страницы эти посвящены детским и отроческим годам автора. Как в «Сказке моей жизни» Андриена, ранее детство поэта прошло в безвестной глуши. Сочинять стихи он начал рано, и это пристрастие неожиданно привело его в большой мир — в круг людей, чьи имена неразрывно связаны с судьбами нашего искусства.

Здесь мы помещаем отрывок из первой части этих воспоминаний.

Начало двадцатого века было и началом резкого перелома в моей жизни. Через некоторое время после того, как я поступил в гимназию, семья наша навсегда покинула заводской двор и переехала в квартиру — в двухэтажный деревянный дом, над балконом которого было написано крупными буквами: «ДОМ АГАРКОВЫХ».

С переездом в город кончилось, в сущности, мое детство.

Быстрее понеслось время. Как будто кто-то придал часовой стрелке новую скорость.

После нескольких лет жизни на Майдане город с каким-нибудь десятком тысяч жителей показался мне настоящей столицей. Он потрясал меня не только своими каменными домами (изредка даже двухэтажными!), но и какой-то своеобразной свободой, которую пользуются горожане по сравнению с жителями пригородов.

Город гораздо меньше зависит от погоды, чем слободка, где после проливного дождя улица становится непроходимой. В городе вы не связаны с какой-нибудь одной хлебобулочной или лавочкой: столько здесь булочных и пекарен — выборай любую!

Здесь вам не надо, как на слободке, просить лошадей у соседа, чтобы съездить куда-нибудь. По улицам катят везд и вперед, заывая слободок, извозчики в пролетках с двумя прозрачными фонарями по бокам. За гривенник вы можете проехаться баринком, разглядывая вывески лавок по обеим сторонам улиц.

А как сочно, как вкусно называются эти городские лавки — бакалей, галантерея, торговля текстильными товарами. И в каждой лавке свой запах, свой уклад, свои особенные повадки и продавцов. Солидный, неторопливый, упитанный приказчик отпущивает сахар или режет для вас колбасу в бакалейной лавке. Гораздо более гибкий, проворный, обладающий светскими манерами продавец обославывает покупателя в галантереи. И та-

кие рослые, степенные, неразговорчивые дядьки грочают своим товаром в железобетонных лавках.

В самом сердце города живет своей особой жизнью целый каменный городок, состоящий из множества лавок и крытых переходов. Это Гостинный ряд, так приветливо маянций прохорик хардямками витринами днем — и такой неприступный, заклинатель на все замки и охраненный ценными псами ночью.

А есть на одной из главных улиц большой, двухэтажный дом, где в любое время суток — и днем и ночью — радушно встречаются приходящих и приезжающих. Над крышей этого дома, во всю ее длину, притаива вывеска, которую я с таким трудом разбирал в те времена, когда приходил в город с Майдана: «Коммерческие номера».

Я знал, что этот дом — гостиница и что люди здесь живут не так, как в других домах, не постоянно, а день-другой, самое большее — неделю или две. У дверей гостиницы всегда стоит и разговоривают между собой или со швейцаром приезжие. Среди них часто встречаются люди, бредущие не только бороду, но и усы (что в то время было еще редкостью). Люди эти завязывают галстуки широким бантом и говорят какими-то особенными — звучными и раскатистыми голосами. С ними — дамы в больших шляпах с перьями и в нарядных платьях, каких не носят у нас в городе.

Это — те самые приезжие актеры и актрисы, которые так великолепно рыдают и смеются в театре. Но чаще всего из дверей гостиницы выходит усталый и бородатый народ — в картузах, поддевках и в сапогах бутылками.

У тех, кто носит только усы, — подвены несколько более шероветавые, в талию, да и картузы у них поакратнее, с высоким верхом, наподобие военных фуражек. А у людей бородатых картузы помгаче, пониже, подвены потоньше и пошире в поясе.

Усачи — это мелкие помещики нашего уезда или управляющие имениями. Бородачи — купцы.

Я не раз заглядывал в открытую дверь гостиницы, стараясь представить себе, как живут все эти неизвестные люди в таинственных комнатах, почему-то называемых «номерами».

Неожиданно мне представился случай побывать в «Коммерческих номерах». Произошло это так.

На одной из вечеринок в квартире у Лебедевых, где часто собиралась наша молодежь — гимназисты и гимназистки старших классов, — увидел я как-то необычного гостя, петербургского студента. Это был первый встреченный мной, однако же совсем незаурядный студент. Он был сыном богатого, но весьма либерального помещика Бобровского уезда и приезжал из отцовского имения на собственной тройке с колоколчиками и бубенцами. Носил студенческую фуражку с темно-синим околышем и шинель офицерского покроя с широкой пелериной (такую шинель называли «никлаевской»).

Собой он был хорош, статен, высок. Черты лица были у него строгие, правильные, глаза — веселые, блестящие, светло-голубые. Небольшая русая бородка аккуратно расчесана.

Наши серьезные и самолюбивые гимназисты-старшеклассники глядели на него искоса, исподлобья — отчасти потому, что считали его баричем и «белоподкладочником», отчасти, может быть, из ревности, — так представлялся и великолепен был он в своем форменном студенческом сортуке с золотыми орлевыми пуговицами, так непринужденно и весело смеялся, сверкая ровными белыми зубами. А бородка он как будто нарочно отпустил для того, чтобы

Умение писать и умение сокращать

ДАЖЕ ТЕ, кто ни разу не видел Невы, Днепра, тихого Дона, навсегда запомнят их со слов Пушкина, Гоголя, Шолохова.

Реку Хилек не всякий найдет на карте, и голос ее еще не в полную силу прозвучал со страниц романа Баридия Мунгонова. Но читая роман, испытываешь радость, узнавая в далеком родные черты, испытываешь любопытство от сопоставления с неизведанным и своеобразным.

«Медленно, широко рассыпавшись по степи, идут овцы. Если смотреть издали, то кажется, что это сама степь сдвинулась с места и ползет, ползет куда-то...» Скот здесь — главное колхозное богатство. И сколько людских судеб и живых человеческих страстей, сколько жарких споров и жестоких конфликтов связано с ним!

Бурятские комсомольцы, наперекор скептикам, сражаются в своем краю за кукурузу, дымом костров защищая ее от беспощадных ветров Забайкалья. И девушка Санжидма в волненье шепчет кукурузе: «Миленькая моя, расти большой!» Ивалид-сторож и одинокая чабанка в заброшенном летнике мечтают о ластовицах, спрятанных за переломом. Старый бурят Дамдин горюет о том, что беднеет трава. «Поглядишь на луг — трава, что молодая шерсть на вылинявшей собаке». Весь многолетний опыт говорит старику Дамдину, что скосившая трава до обсеменения — значит с годами привести луга к обнищанию. Но председатель колхоза Ширавон и бригадир Базаров, заботясь не о колхозном будущем, а о том, чтобы первыми отпарковать об оконченных косовицах, заставляют преждевременно скашивать еще не обсеменевшую траву. И старый, мудрый Дамдин выходит из себя: «разъяренный, забавно подпрыгивая, вертелся вокруг Базарова, подносил ему прямо к носу кукурузу...»

Точными штрихами рисует автор председателя колхоза. Ширавон не оперный злодей. Когда-то он был горяч в работе и инициативен. Но неумелые руководители не поддержали его. Засеял просо в колхозе — получил выговор от председателя аймасского исполкома Тулхенова. Завел коз — опять получил высканение. Вскоре Ширавон понял, что самое важное — «не портить отношений с Тулхеновым».

Ширавон изобретает хитрые трюки. Вместо того чтобы улучшать дороги через перевал к тем лугам, о которых мечтают чабанка и сторож, он отдает эти луга соседнему колхозу: разом убивает двух зайцев — и от хлопот избавливается, и поднимает продуктивность в пересчете на уменьшающуюся площадь. А советские точилы и «тягостное чувство... бес-

Б. Мунгонов. «Хилек наш бурливый». Роман. Перевод с бурятского В. Сергеева. Журнал «Свет над Байкалом», №11-12, 1959.

Галина НИКОЛАЕВА

силія» заставляет по ночам хрипеть от тяжелых снов, а днем, наяву, высказывает желание «так крикнуть, чтобы все услышало».

Борьба сложна. Еще жива в людях привычка к игольничью, еще не познана нами вся ценность бескрайних земель. Но уже сильна привязанность к колхозной земле, в душах многих бурят.

За бурлящую на страницах книги жизнь, за точность и своеобразия многих картин и деталей испытываешь признательность к автору. Если подумать о том, как молодая литература на берегах реки Хилек, то хочется ограничиться этой признательностью.

Но если вспомнить, что есть Нева, и Волга, и Днепр, и тихий Дон, и многие другие реки, на берегах которых сложилась огромная литература, ставшая богатой житницей опыта и традиций для всех братских литератур, если посмотреть на роман «Хилек наш бурливый» с этой точки зрения, то придется предвзвешивать автору немалый счет. Подробный разговор об этом нужен и потому, что Мунгонов — писатель молодой, и потому, что недостатки его произведения могут быть характерными для других авторов.

Человеческий мозг устроен так, что в процессе познания легче всего запечатлеваются в памяти черты уже известные, часто повторяющиеся, общие для многих. Люди малознакомые воспринимаются нами прежде всего по этому общему и кажутся сходными друг с другом. Но чем глубже знание, тем полнее раскрывается неповторимость каждого. — Вот так, особенно, всегда неповторимым кажется любимой матери ее ребенок, любимому мужу — жена, верному другу — друг.

В. Мунгонов, рассказывая, часто как бы останавливается на первой ступени знания. Как это ни странно, но для обрисовки второстепенных персонажей, таких, как Дамдин или Вумодой, автору хватило красок. Но вот главные герои книги. Не очень серьезные Норжима и более серьезная Дула, большой, молчаливый Лубсан и не такой большой, но такой молчаливый Дугар. Как они в общем похожи друг на друга и на тысячи других передовых юношей и девушек, гуляющих по страницам книг и газет! В них есть «общество», но нет живой неповторимости. А там, где автору изменяют зоркость, точность, психологическая прони-

цательность, на смену им приходит логичная зашоренность. История с раненым Дугаром, например, не обязательна, не органична в романе.

Не только главные герои, но и вся образная ткань романа грешит подобной «общество». Мунгонов любит емкие, символические образы и часто прибегает к ним. Этот прием использовали и классики, достаточно вспомнить, как начинается, например, Л. Толстой «Воскресение» или «Хаджи-Мурат». Но сколько неповторимой конкретности в образах травы или куста «татарина»!

В. Мунгонов в прологе рисует красивые маки, растущие в степи. Забайкальская степь, покрытая цветущими маками. — какое это своеобразное и величественное зрелище! Но мы не увидели его в романе. Художник сказал о цветущих маках вообще, но не нашел для них ни одной конкретной и яркой краски. Маки названы, но не показаны, и образ, лишенный зрительной силы, вместе с нею утратил и емкость. Автор сравнивает маки то с кривою, то со знаменами, но это звучит как повторение общих, не раз слышанных слов.

Можно сказать, что овладение мастерством имеет две ступени. На первой ступени автор учится писать. На второй ступени он овладевает куда более сложным и мучительным искусством — искусством зачеркивания лишнего. Придерживаясь этой схемы, риском сказать, что Мунгонов прошел первый этап овладения мастерством.

Молодой зоотехник Сокто приехал в далекий летник к чабанке и сторожу.

— Что нового? — обратился он к Мурхор-Сагану.

— Ты приехал. Вот и все мои новости, — буркнул сторож.

«В сущности, он прав, — подумал Сокто. — Какие новости у сторожа? Волки на отару не напали, дождя и степи не было... Что еще? Приехал зоотехник. Не ахти какая новость для Мурхор-Сагана. Если бы Сокто все лето не появлялся здесь, что от того сторожу...»

Может, в Шале есть новости? — спросил Мурхор-Саган.

— Все по старому.

— Я думал, всадник едет, везет новое. А так, что скакать по дорогам? Старое развозят...

Сокто по своему понял сторожа: «Он по моему, что нового я дал колхозу? Ничего».

В маленьком отрывке скупой и точно написано о многом. Здесь и жизнь Мурхор-Сагана, и его горе, и его ирония и его неудовлетворенность, руководящего этого колхоза. Здесь и тревога молодого зоотехника, ищущего и еще не найденного новых путей.

Все четко, точно, ясно, и остается только позавидовать автору, умеющему так много сказать немногими словами. Но... дальше идут целые две страницы, ничего существенного не добавляющие к приведенному отрывку. Появляются бесцветные слова. «Специальный лист всегда должен жить новым, дышать им», — самокритично говорит Сокто сторожу. Слова верные, но ни когда не будет живой Сокто говорить такими мертвыми, выхолощенными словами в задушевной беседе со сторожем. Вычеркнуть бы эти две страницы — насколько выиграла бы от одного вычеркивания вся картина!

Читая роман, не раз упрекаешь автора за рыхлость и многословие, а вместе с ним упрекаешь и редактора, который не сумел помочь автору.

Хотелся пожелать Баридию Мунгонову, чтобы в следующем его произведении сохранилось то же кипение жизни, той и своеобразной жизни, но чтобы оно было отмечено большим мастерством.

СНОВА СТИХИ...

Звонки, посланья, телеграммы, а разговор один веде: «Сталинбад, Мирзо, с приветом! Наш дорогой Турсун-заде! Терпенье наше истощилось. Давно статью ты общал. Пойми: газета есть газета. Нельзя же подводить журнал! Потерпись. О нас подумай. Учи особенность одну: Редактор главный негодует, на нас он валит всю вину. Читатель на тебя в обиде: не видит он твоей статьи. И ждуть ее, как нам известно, за рубежом друзья твои». А в это время сочинял я поэмы первую главу. Красавица передо мною была во сне и наяву. Чтоб выразить ее движенье, в которых молодость жива, искал я образы и краски, искал я звуки и слова. К своей подруге обращался, брал у влюбленных интервью, Хотел прочесть в глазах любимой поэму новую мою. Ее черты искал я в поле, ее черты искал в саду. Я обошел родную землю с надеждой, что ее найду. И запах Родины вдыхая и видя жизни торжество, Я думал: вот моя поэма, вот песня сердца моего. Уже я создал образ милый, узнал пожатие руки. Но ворвались внезапно письма и телефонные звонки. Увы, спугнула телеграмма творение моей души. Но я сказал себе упрямо: стихи ты все-таки пиши! Читатель все-таки их любит, их жар, волнение и восторг, И ошибается, я знаю, в своих расчетах книготорг. Когда читатель был учим законам светлой новизны, Когда стихи полны горючим, — могучей правдой полны, — Они взлетают, как ракеты, они, как спутники, парят, Они сверкают, не старая: в сердцах людей они горят. Так почему же новых, свежих стихов не просят у меня? Друзья, скажите: разве строки не плодоносят у меня? Иль ослабела, одряхла любовь друзей к моим стихам? Иль нет моей подруге дела до строк, что завтра я создам? Моя подруга появилась, когда я потерял строку, Она вошла, ко мне склонилась, рукой погладила по виску. И в это ясно мгновенно возникло то, что я искал, Своим нашел я вдохновенье, нашел начало всех начал...

Перевел с таджикского С. Липкин

ФЕЛЬЕТОН

О СЕНЬ — рыжая лисица — разубрала дрожливые явны. На лужайку вышел широкоплечий лед Липатыч, он же Макарыч с бутылкой ершицы. Весь повитый индеевкой, он улыбаясь озорю. Сивя лапоть, дед с остервенением стал расчищать лужайку молью. Засим дед постелил попоу и копы, вслушиваясь в дальний грохот электробата.

Но тут из копы вылезла живая гордыня-сибирячка, обжала острем глаз. «Вотку бытает...» — прошестел в старческом мозгу. Отряхнув солому, тордыча разом пополнила ледовую душу и проглотила:

— Ну, паря, коли ты охот табуנית до полночи, то вспоминай свое босоное детство!

Липатыч натуртуршился.

«Так в жизни не бывает!» — скажут оскорбленные читатели.

Верно — в жизни так не бывает. Но в стихах иногда бывает.

Эта жанровая картинка, помимо эстетических красок, имеет практическое значение. Она экономит время читателя. Достаточно ее прочесть, — и становится ясно, о чем идет речь у многих поэтов, среди которых царит трогательное единение. Окунаясь в реку жизни, они вылезают на издательский берег удивительно похожими.

Многие считают, что такое единение — не что иное, как так называемый «штамп».

Дни русской поэзии в Литве

В Литве начались дни русской советской поэзии. Для участия в этом празднике дружбы братских литератур в Вильнюс прибыла большая группа московских и ленинградских поэтов. В числе гостей — поэты Михаил Светлов, Вероника Тушнова, Лев Озеров, Роберт Рождественский и другие. В городах и селах Литвы состоится литературное вече. Гости побывают на предприятиях, новостройках, в колхозах. В Союзе писателей Литовской ССР состоялась первая встреча с гостями. Обсуждались проблемы современной поэзии.

Потому и новые мозоли На руках буграми нарости. (Ю. Мельников)

А ну, покажь ладонь... Мозоль... носить на себе от камней мозоли. (В. Фирсов)

И не липнет к душе размысливший реней (!), И удары сердеч и сильней, и слышней (!), И увидашь и пот, и морщины на лбу, И мозолистых рук трудовую судьбу. (Ю. Шанков)

Стыдиться мозолистых рук, конечно, нечего. Стыдиться надо, дорогие товарищи, банального решения темы труда — при помощи мозолей или без оных.

Ступеница вторая. Еще в 1933 году Твардовский сигнализировал о нашествии «дедов» в современную прозу:

Глядишь — роман, и все в порядке: Показан метод новой методики, Отсталый зам, растущий пред И в коммунизм идущий дед.

Но деды широким фронтом прорвались и в поэзию. Более того, поэт Михаил Скуратов в сборнике «Вспохохи» («Советский писатель», 1958 г.) возвел деду в некий эстетический принцип:

Я дивляюсь, что даже дед «давнотный» (!) Сам — примета нового в краю! Всех в соревнованье он допихивает, В нем народный нрав я признаю.

После этого не удивительно, что в «Первопутьке» деды пустились в самый настоящий разгул. Более 10 раз встает со страниц сборника полноценный дедуся...

«А что плохого, — спросят нас, — в том, что молодые пишут о дедях? Молодым везет у нас дорога, старикам везде у нас почет!»

Никто не спорит: образ советского деду — одна из литературных проблем. Не первоочередная, но проблема. Тем более, что и самим дедям любопытно почитать о себе:

Дед пришел, индеевкой (?) повитый, Рядом начал попоу стелить. ...Дед Липатыч, нащупав двустовку, Смотрит в темноту: — Глухая пора... (Б. Голубев)

Деды смотрят на девок бровями седыми... — Деды смотрят, охочи табуנית у баяна... (В. Цыбин)

...Галая о погоде, дед-пастух Глядит на угасшее небо. (И. Бурсов)

ЛИТЕРАТУРНАЯ НЕ ПЕРВАЯ МЕЩАНСКАЯ

Ты спрашивала шепотом: «А что потом? А что потом?» Постель была растелена, растелена, и ты была растеряна... Евгений Евтушенко Ты говорила, вскрипывая: «А это все не липовое? Постель была не новая, Отчасти символная, Отчасти баломнтовая. Ты говорила торомор: — Не полюб, любимый, — Не полюб, ненамерен... А я, вставая с тиграми, Обялся с продавщицами,

— Дай-на, я вместо тебя посижу, а ты понайтись. Уж меня-то обязательно клонит!

Любимая мозоль

Слувая пену, пиво пьет Широкоплечий дед... — Верно, дед. Давай еще пивка. (В. Фирсов)

Тот факт, что автор выпил пивка за компанию с дедом, заслуживает, конечно, красного отблеска в литературе. Неясно только, какое было пиво — жигулевское, рижское, ленинградское или, может быть, двойное золотое...

Однако мы задержались на второй ступени. Итак, ступеница третья — «гордыня-сибирячка». С ней дед обстоит очень просто. Оба ее воплощения в лирике похожи, как две капли воды, как сестры-близнецы, которых даже мама-редакторша путает. В «Дне русской поэзии» они отделены лишь девятью страницами:

Л. Опанин И. Рождественский Под рукой затихая И только елочка-гордычка, гордычка, гордычка Мою душу разлом Спокойна, сдержанна, пряма, Расскажи дочка! Да ты, невеста-сибирячка, сибирячка, Как ты обходишь Другие слушаешь без меня? грома.

Если бы «гордыня-сибирячка» умела говорить, она превозмогла бы свою девическую гордость и проглотила бы что-нибудь вроде: «Эх, паря, неужто мы, сибирячки, не заслуживаем менее трафаретного отношения к себе?»

Как видите, для воплощения образа сибирячки нужен минимум художественных средств и некоторая доля ирреальности. Именно эта ирреальность пришла по душе Г. Флорову:

Полоткнув шелка и ситцы, Вольный промисля любя(!), Сибирячки-молочицы Собирают там тебя.

А как неуважительно пишут иногда молодые поэты о женщинах! Глаза превращаются в раскаленные остря: И глядит на тебя, обжигая Острем недоверчивых глаз. (Б. Голубев)

Подымаемся на ступенку четвертую — общишная (!).

Роль теоретика в «Первопутьке» взял на себя Ю. Мельников. В программном стихотворении «Лирик» он пишет:

Поет рожок, идет за стадом лирик, Поэзию берущий за рога. Правильно, чего там церемониться — бери ее за рога, тяни за хвост, бей хвостистой! Правда, она и забодать может, ежели ее раздражить...

Как говорится: новые времена — новые штампы. Пресловутые «грозы» и «стрелы» ныне заменены «мозолями» и «дедами».

В «Первопутьке» собраны стихи молодых. А для них штампы особенно опасны. Ведь если говорить всерьез — штамп, как грибок, заражает все стихотворение. Он подчиняет себе и содержание, и ритмы, и образную систему, могут возникнуть, что мы приводили, яркие говоря, но совсем удачные строки, а в целом, мол, цитируются стихотворения — хорошие. Увы, это не так. Не может быть хорошим стихотворение, если в него проник грибок штампа.

К счастью, молодая русская поэзия так богата, что даже при плохом редакторе в сборник «По первопутьку» попали хорошие стихи Владимира Савельева и Анатолия Приставкина, Михаила Горбунова, Игоря Грудева и других. Но это — уже не для фельетона.

Сергей КАЛАШНИКОВ

Заметки на лету

(из записной книжки сатирика)

— Ну и люди, — вздыхала лошадь, — после каждого «но» обязательно ударят.

Утло всю жизнь жег что-нибудь, но всегда находил оправдание: погорячился.

Дуга постоянно гнула спину, но никак не могла свести концы с концами.

Мудрец не любил золых истин: они смущали его идеями целомудрие.

Ген. ЦИФЕРОВ

Пришла зима. Человек, читающий газету, уже свиснул с этой новости. Его волнуют другие вести: политическая погода становится теплей!

было видно, что он давно уже перешел из юношеского в более солидный возраст.

Впрочем, он всячески старался держаться с нашими устами гимназистами запусто, на равной ноге, лел с ними вольные и задорные студенческие песни, в роде:

У студента под конторкой Пузырек нашли с гостаркой, У курстиски под подушкой Нашли пудры фунт с осмушкой...

Или: Там, где тинный Булак Со Казанкой-рекой, Точно братец с сестрой Обнимаются, От зари до зари, Лишь зажгут фонари, Верещаут студенты Шатаются...

Акомпанировала, как всегда, Лида Лебедева. Однако присутствие петербургского гостя ее немного смущало. Она сбивалась и, покраснев, уступала место у роля студенту, который легко и ловко подбирал любой мотив длинными, сильными пальцами с двумя перстнями — на указательном и безымянном.

Я был значительно моложе всех присутствующих и в пении участия не принимал — стыдился показывать, что толос у меня еще совсем детский.

Однако студент обратил свое внимание и на меня. Узнав от кого-то — вероятно, от Лиды Лебедевой, — что я пишу стихи, он дружески похлопал меня по плечу и предложил припрятать несколько моих стихотворений в одном из петербургских толстых журналов — по моему выбору — например, в «Русском богатстве» или в «Мире божьем».

Но предварительно он и сам бы хотел познакомиться с моей поэзией. В конце концов мы условились, что я приду к нему на следующее утро в «Коммерческие номера». На всю жизнь запомнил я номер, в котором прожил мой студент: пятнадцатый.

Еще бы не запомнить! Взрослый человек, оставившись в гостинице, студент петербургского университета (это звание казалось мне тогда равным чуть ли не званию профессора или академика) приглашает меня к себе в номер, чтобы послушать мои стихи и потоловать об устройстве их в одном из столичных журналов... Все это было так невероятно, что я решил ничего не рассказывать своим домашним до завтрашнего дня.

Вернувшись домой, я долго ходил по комнате, раздумывая о том, какие из моих стихов больше всего подошли бы для толстых журналов. Это была неразрешимая задача. Петербургских журналов я еще никогда не читал, а только видел на столах в библиотеке. Кто знает, какие стихи могут понравиться редакторам «Русского богатства» и «Мира божьего»!

После долгих сомнений и размышлений я решил переписать начисто всю тетрадку стихов.

Бережно и старательно до глубокой ночи переписывал я стихотворение за стихотворением, тут же на ходу исправляя строчки, которые мне казались слабыми.

Утром я проснулся позже, чем предполагал, и, отказавшись от завтрака, опросто помылся в гостинице, где, как мне представлялось, меня уже давно поджидает мой великодушный студент в том же самом шезлонге, застеленном на все пуговицы спортуке, в каком я его видел вчера.

Вот они, наконец, эти «Коммерческие номера»! Вместе с несколькими взрослыми людьми — с двумя офицерами и дамой в широкой шляпе — вошел я в подъезд гостиницы. Бородатый старик-швейцар в

Под изображением было напечатано крупными золотыми буквами: «Туалетное мыло Ралле и К».

ПРИВЕТ СЫНАМ СОЛНЕЧНОЙ АДРИАТИКИ!

Письмо другу

ТУНЬЯТЕТА, дорогой Александр Трифонович Твардовский! Разрешите по случаю великого праздника — 15-летия освобождения нашей страны от фашизма и феодально-буржуазного гнета — приветствовать вас по-албански:

— Туньятета! (Живите долго!) Так встречали вас албанцы 11 лет назад, когда осенью 1948 года вы были нашим гостем.

Мы считаем вас нашим искренним другом. Василий Теркин и Никита Моргунок давно уже стали любимыми героями албанского народа. Поэтому мне хотелось бы, чтобы в дни нашего праздника вы, как друг, порадовались вместе с нами тому, как далеко вперед ушла моя родина по сравнению с тем, что вы видели 11 лет назад.

Если бы вы увидели нашу столицу Тирану! Право же, вы не узнали бы ее — так она изменилась! Сколько появилось новых зданий, парков! Но больше всего красят город люди! Что, собственно, было тогда в Тиране? Две или три средние школы и начинающий театральный коллектив? Теперь в Тиране много школ и такой огаз культуры, как первый албанский университет. Многие из студентов легки и со вкусом пропитываются по-албански и по-русски из шедевров Пушкина, из «Василия Теркина» или «Страны Муравьи». И, наверное, вспомнилась бы вам студенческая пора.

У нас есть теперь свои театры, можно побывать и в драме, и в опере, на балете или эстрадном концерте. Вы можете увидеть оригинальную албанскую, советскую или классическую оперу или пьесу, будь то Шекспир или Глинка, Чайковский или Шостакович. Мы показали бы вам и албанский фильм с албанскими актерами.

Тогда, 11 лет назад, албанская литература, музыка, изобразительное искусство делали только первые свои шаги. А теперь вы встретите со многими поэтами, прозаиками, драматургами. Следя методу социалистического реализма, они уже создали немало достойных нашего времени произведений. В скульптуре и живописи мастерски отражены народные чаяния, природа нашей солнечной страны. Мы имеем теперь и свои симфонии, оратории, оперы и оперетты албанских композиторов.

Да, да, теперь у нас нашлось бы что показать!

А помните, какой была Тирана? Совсем тихим городом. Теперь она живет жизнью комбинатов и заводов, в ней звенит смех малышей, школьников и студентов. Вам бы стоило поехать на один из комбинатов — текстильный комбинат имени Сталина. Помните, что здесь было? Болото, полное лягушек и комаров. А сейчас вырос новый город, город текстильщиков. Получайте только: прежде у нас не было даже простых саналий, а ныне албанские инженеры, рабочие и техники производят ткани для всей страны. До освобождения мы могли только мечтать об этом!

Вы побывали во многих районах моей родины. С большой симпатией писали вы в журнале «Знамя» о людях Албании.

Но что вы тогда видели? Бедных, хотя и свободных крестьян? Теперь они не только свободны, но и счастливы, ведут зажиточную жизнь!

Право же, дорогой Александр Трифонович, вам стоило еще раз проделать путь из Тираны в Братай и Вифкуте. Дорога снова пойдет через Мусеке. Здесь были поля, покрытые водой, и заболоченное озеро Тербуф. Островками виднелись среди них деревья с лачугами, вросшими в землю. Сейчас по Мусеке проложены каналы; болото осушено, в деревнях, полахих на букеты цветов, белеют новые домики. Поля Мусеке стали житницей Албании. Я уж не говорю о городах Фиоре, Люшне, Влоре. Они похорошели, в них появились свои предприятия.

А болото Малик, близ Корчи? Какой это был рассадник малярии! И здесь теперь раскинулись плодородные поля. На берегах реки Девоп выросли новый город Малики и сахарный завод. Сахар, который крестьяне покупали раньше, как лекарство, мы производим ныне в достаточном количестве.

В деревнях Братай и Вифкуте, где у вас множество друзей, среди них и народный поэт Селим Хасани, и Мити Шоре, и многие другие, также произошли большие перемены. Они касаются не только новых

домов, большая часть которых двухэтажные, но и культуры. Произошел переворот в самом сознании людей.

Я особо подчеркиваю эти слова: «в сознании людей». Ведь прежде во многих деревнях женщины не смели выходить за порог своего дома. Теперь девушки и невесты, все женщины, даже старухи, ходят на работу в поле. Немало женщин стали бригадирями, учаща на вечерних курсах, участвуют в драматических кружках, поют в хорах.

Помните ваш сердечный разговор с ребятами из деревни Братай, мальчишка «в трусиках с бахромками, болтающимися вокруг ног». На ваш вопрос: «Кем ты будешь?» — он без колебаний ответил:

— Министром.

Теперь он и его друзья, как многие и многие сыновья крестьян и рабочих, учаща в Тиранском университете, в университетах Советского Союза и других братских стран. Отцы этих юношей и девушек напугают землю или разводят скот в горах, а они, закончив образование, становятся директорами фабрик и заводов, преподавателями высшей школы, врачами, известными артистами или инженерами. Они строят гидроэлектростанции, осушают болота, работают агрономами в родных деревнях.

Дорогой Александр Трифонович, я рассказываю вам только о тех районах моей родины, которые вы посетили 11 лет назад. Однако если бы вы приехали к нам теперь, то увидели бы подобные перемены повсюду в Албании. И повсюду рядом с развивающейся экономикой и культурой, социальными и политическими изменениями увидели бы большое душевное богатство народа, в котором значительное место занимает любовь к советским людям. Ее хранит в сердце каждый албанец, потому что албанцы всегда находили у советского народа поддержку, истинно братскую помощь и преданную дружбу.

Порадуйтесь вместе с нами, Александр Трифонович.

До встречи в Албании!
Стерно СПАССЕ,
албанский писатель

Албанский крестьянин

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА

Пестрый, эдакий южным солнцем деревенский базар: яркие цветные пятна костюмов албанских крестьян, ковров, циновки, овощей и фруктов; светлые дома с окошками-бойницами на фоне тающих в голубом мареве недалеких гор. Все как будто из кинофильма «Великий воин Албании Скандербег». И только столбы электропроводов и шуршащие по шоссе автомашины возвращают нас из глубин XV века в сегодняшнее время.

А в горах, в диком ущелье реки Мати, высокая белокаменная плотина гидроэлектростанции имени К. Маркса сдерживает напор зеленых вод искусственного озера с современными постройками по берегам.

За два месяца, в течение которых я работал во многих районах Народной Республики Албания, довелось мне увидеть немало интересного, красивого, своеобразного. Суровые, величественные горы и сверкающие яркой зеленью плодородные долины, лунезарный простор Адриатики и спокойная гладь озер, серебристые роши ольвы и леса черных кедровых вышек. И повсюду рядом с вековой стариной расцветает новое, молодое, современное. Повсюду видны следы свободного созидательного труда.

Ю. РЕЙНЕР

Разговор о будущем

Литература орлиного полета

НЕСКОЛЬКО недель назад благодаря счастливым стечению обстоятельств наш известный писатель Стерно Спассе, мой друг и коллега Фатмир Дята и я одновременно оказались в Москве. Мы бродили по городу, вспоминая 1946 год, когда впервые приехали с Фатмиром Дятой учиться в Литературный институт имени Горького, подражали Стерно Спассе, что он сделался студентом на «старости лет» (в 1964 году нашему «старичку» исполнился полвека), радовались успехам советского народа.

В тот день нам вспомнилась строка из стихотворения молодого албанского поэта Вехби Скандери: «Счастливец, кто едет в Москву!» Мы в самом деле чувствовали себя счастливыми среди близких друзей в дружеской стране — они сделали наше пребывание в Москве еще более приятным, незабываемым.

Когда в те дни редакция «Литературной газеты» обратилась ко мне с просьбой написать статью о современной албанской литературе, мне вспомнились друзья — Стерно Спассе, Фатмир Дята, Вехби Скандери, и я подумал, что может быть, в рассказе об их жизни и творчестве мне было бы менее удалось бы показать лицо новой албанской литературы.

...Мне помнится, что один из первых романов, которые я в молодости прочитал, носил интересное название «Почему?». Это сердце очень чувствительно восприняло метания главного героя, который был свидетелем тягот жизни простого народа и, не находя другого выхода, не имея в жизни цели, покончил с собой.

Я тогда принял роман «Почему?», отрицавший действительность того времени, за революционное произведение. И только много лет спустя, во время национально-освободительной борьбы, когда у молодежи появилась цель, ради которой действительно стоило отдать жизнь, — освободить народ от двойного гнета: гнета фашистов и феодально-буржуазного режима, — только тогда я понял, что роман «Почему?» пессимистичен и нигилистичен.

Нанануне освобождения нашей родины мне в руки попал еще один албанский роман. С его обложки приятно улыбалась милостивая девушка в черном платье с белым воротничком. Это был рассказ о молодой учительнице Афердите, которая добровольно отправилась в глухую албанскую деревню с твердым намерением изменить ее судьбу. Неожиданно в романе оказался слуга своего пребрзавшегося лица деревни. Но вскоре я понял, что конец романа «Афердита» — утопия, мираж, порожденный в пустыне нищеты пламенной жаждой счастья и жизни.

Когда после освобождения я впервые встретился со Стерно Спассе, автором обоих этих романов, когда наблюдал за его работой в молодой албанской литературе, когда видел, с какой радостью он едет учиться на Высших литературных курсах при Литературном институте имени Горького, — тогда я еще лучше понял, что сделало Стерно Спассе, идущего нелегким путем писателя, одним из лучших представителей новой албанской литературы социалистического реализма.

В романе Стерно Спассе «Они были не одни», с которым советские читатели познакомилась в русском переводе, крестьянин Гынка понимает, что освобождение от страданий и мук — действие романа развивается перед войной мировой — в борьбе с

эксплуататорами под руководством коммунистов. Французский журнал «Эроп», по достоинству оценив это произведение, — оно было переведено и на французский язык, — назвал его гуманной книгой.

Вскоре советские читатели получат перевод нового романа Стерно Спассе «Возвращение Афердита». Это — самый метательный — учительница Афердита! В огне освободительной войны стогрени ее прекрасные иллюзии, и она теперь как коммунист борется за построение изобильной новой жизни, за создание кооперативных хозяйств.

Стерно Спассе находится в расцвете творческих сил. Недавно он вручил мне, как редактору журнала «Нендори», свой последний роман «Алчущий» о процессах развития новой албанской деревни. Одновременно писатель продолжает работу над еще одним произведением: романом-памфлетом.

Если Стерно Спассе мы можем назвать типичным представителем старшего поколения писателей, только после освобождения наших истинный путь служения народу, то Фатмир Дята относится к плеяде писателей, воспитанных партией в огне партизанской войны. Кто из нас в военные годы не распевал песен Фатмира Дяты «К отцам, молодежь!» и «В тех скалистых горах», написанных в традициях наших старинных боевых патристических песен? Они явились прекрасным началом творческого пути молодого человека, который после освобождения стал одним из самых известных наших писателей.

В сборнике «Песни гор» Фатмира Дяты немало красивых песен и отличная поэма «Песня о партизане Бенко», и все же о Фатмуре Дяте следует говорить как о прозаике. Его многочисленные рассказы, его новеллы «Вода спит, враг не спит» и «Тана», его роман «Разгром» о национально-освободительной войне нашего народа представляют собой ценный вклад в молодую албанскую прозу. Лучшая книга Фатмира Дяты — «Болото».

Неподалеку от города Корчи в южной части Албании когда-то простиралось огромное заболоченное озеро Малик. Если бы иностранцы приехали в Малик теперь, то они увидели бы там поля сахарной свеклы и пшеницы, богатые фермы, передовых сельскохозяйственных кооперативов, новые дома, сахарные заводы.

О социалистическом строительстве в этом уголке Албании и рассказывает роман «Болото». Его герои — строители и землекопы, рывые люди Албании, увлеченные страстным желанием строить новое будущее.

Фатмир Дята — молодой писатель. Он родился в 1922 году в городе Корче в семье учителя начальной школы. В годы фашистской оккупации он сражался в отряде партизан. От народа, с которым связал он свою судьбу, Дята унаследовал богатый, колоритный, журнальный, подобно водам ручьев, язык, юмор и лиризм, так характерные для его произведений. От партии, членом которой он стал еще в партизанском отряде, он перенял непоколебимую веру в народные силы и триумф нового мира. Этой верой пропитаны произведения Фатмира Дяты.

...Однажды в мой дом пришел неизвестный молодой человек, которому не

было еще и 20 лет, только что демобилизованный из армии, горевший желанием посвятить себя поэзии. Его звали Вехби Скандери. Это представитель, так сказать, третьего поколения наших писателей, вошедшего в нашу литературу с бурей и битвами строительства социализма. В то время Вехби Скандери, юноша из бедной крестьянской семьи, необразованный, обладавший одним лишь неугасимым желанием творить и сердцем певца, имел на «своем счету» только два опубликованных стихотворения.

Более 10 лет прошло с тех пор. Бывший оборванный пастух окончил среднюю школу и сейчас завершает образование на литературном факультете Тиранского университета. Он один из лучших поэтов республики, певец пламенных и сильных чувств. Последние годы он успешно работает в области поэмы. Глубоко впечатлен производит драматический образ девушки-партизанки из его поэмы «Дорогами войны», на долю которой выпадает в конце произведения высокий и горестный долг — «убить любимого человека, предавшего родину. Мы видим, как она шагает рука об руку с товарищами-партизанами с гордо поднятой головой.

Многими нитями связано с деревней вчерашний и сегодняшний дня творчество Стерно Спассе, Фатмира Дяты, Вехби Скандери и большинства других албанских писателей. Долго еще будет их вдохновлять славное время партизанской войны, которое вошло в народные сердца и память подобно эпопее Скандербега. Но читатели по праву могут спросить: «А жизнь города, рабочих фабрик и заводов, большие стройки, которые сейчас меняют лицо Албании, когда же, наконец, их будет отражать литература?»

Вопрос справедливый. Уже есть произведения, которые до какой-то степени отвечают на него. Расширение тематики, более глубокое изображение реальной жизни, борьба за совершенство формы — таковы главные проблемы, которые ставят перед собой албанские писатели.

Сегодня, накануне 15-летия освобождения нашего народа, я с удовольствием сообщаю читателям факт, который радует нас всех.

— из всего объема различного рода литературы, издаваемой в современной Албании, наибольшее количество названий — это художественная литература. Поэтому, несмотря на то, что в статье я кратко остановился на творчестве всего лишь трех авторов, следует упомянуть и о нашем известном и разностороннем писателе Диандре Шутеричи, о Шефете Мусарае, авторе первой поэмы в новой албанской литературе, Коле Якове, авторе лучших наших драм, о таких известных романистах, как Кин Души и Петро Марко.

Орел — самая почитаемая албанским народом птица. Двуглавый орел Скандербега изображен на национальном нашем знамени; орлами зовут и рабочих, прокладывающих туннели и строящих гидроэлектростанции; горным орлом мы именуем партию Труда, руководившую борьбой народа за свободу, стоящую сегодня во главе битвы за построение новой жизни. Стремительного движения вперед, гордо орлиного полета, эпического величия, лирической прелести спокойных вод голубой Адриатики, поистине морской глубины и силы требует наш народ от новой албанской литературы, и, добывая этого, трудятся писатели Народной Республики Албании.

Во время нашей туристской поездки по селам и городам республики мы всюду видели, как радостно и дружно готовятся к этому дню народ Албании. В клубах Сарады и Тираны, Шкодера и Поградца актеры — любители и профессионалы рассказывали нам о спектаклях, которыми встретят они день освобождения. На текстильном комбинате под Тираной, на сахарном заводе под Корчей, на деревообрабатывающих и табачных предприятиях (многие из них принесены в дар Советским Союзом), на всех новостройках республики мы видели, с каким подъемом трудятся люди новой Албании.

Много стотен километров проделала наша туристская группа по стране. Разумеется, все мы, как любящие туристы любой страны, замирали от восторга перед могучей, несказанной красотой горных пейзажей Албании, ее неправдоподобно синих озер, невеликих, потрясенных панорамой древнего города-музея Гирокастра, возникшего перед нами как ожившая прекрасная легенда. Но самый глубокий восторг и большую человеческую радость мы испытывали, видя и буквально осязая головокружительное восхождение страны, проделавшей за короткое пятнадцатилетие путь, равный по времени векам.

В статьях, посвященных 15-летию освобождения Албании, цифры и факты покажут стремительный скачок страны к будущему. Мне же хотелось рассказать о той большой радости, которая наполняет сердца людей новой Албании. Верно сказал Хаджи Брегу: нет большего счастья для человека, чем счастье обретенной родины.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛЮХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Тост Хаджи Брегу

ОН СИДЕЛ в стороне и с каким-то напряженным вниманием следил за происходящим в комнате.

Хаджи Брегу не все понимал. Люди, никогда ранее не встречавшиеся, через двадцать, тридцать минут знакомства вместе себя, как закадычные друзья; заинтересованно расспрашивали друг друга о жизни, делились сокровенными мыслями, как бывает только между очень близкими родственниками.

Хаджи Брегу не понимал, зачем Ислам Буары, этот седой человек, так подробно рассказывает гостям из далекой Москвы о плохом: о том, как 8 лет назад враги подожгли в молодом кооперативе все, что с таким трудом было создано, — фермы, склады, дома; о том, как разбежались из артели бедняки, напуганные вражеской агитацией. Правда, гости очень внимательно слушают этот рассказ и сочувственно кивают головами.

Все же Брегу считает, что лучше рассказывать гостям о хорошем. И когда об успехах кооператива «Виктория» заговорил Абуль Брегу, его, Хаджи Брегу, сын, что-то дрогнуло в лице отца: загорелись светлые глаза под низкую надвинутую шляпой, на плотно сжатых губах появилась улыбка.

Сын Хаджи говорил, а гости обстоятельно записывали в книжечки все — и о том, что урожай «Виктории» возросли вдвое и ныне в кооперативе вошло 168 семей (только 10 семей все еще раздумывают: вступить ли нет), и о том, что раньше здесь крестьяне вовсе не имели скота (был ли кто в Европе беднее албанского крестьянина), а теперь на фермах — 56 коров, 350 овец. Абуль рассказывал о школе, о детском саде.

Сын говорил, а старый отец его настороженными, внимательными глазами оглядывал лица гостей, словно спрашивая, понимают ли они, какое чудо произошло на его родной земле, понимая ли, что пережил он, старый крестьянин, вернувшись после долгих скитаний на чужбине в места, где родился. Хаджи Брегу не умел прозреть речей. Но когда, по обычаю гостеприимства, приезжим поднесли в маленьких рюмках золотистый мандариновый ликер, Хаджи Брегу попросил слова.

...Неподалеку от города Корчи, в нескольких километрах от кооператива «Виктория», есть долина, известная под названием «Долина слез». Ее хорошо знают во всей округе, потому что не было во всей округе семьи, которая не лила бы здесь слез, прожывая в далекие земли отцов, братьев, сыновей. Ни плодородные долины Албании, ни ее могучие горы, ни богатейшие озера не могли прокормить человека, рожденного на этой истрадавшейся земле. Пять столетий оборонялись ее турки, оставшиеся после себя немилосливую, ужасающую нищету и невежество. Вторгались в Албанию итальянские захватчики, хозяйничали здесь немецко-фашистские оккупанты... Цель у всех была одна (включая и местных богатеев) — грабить, грабить, грабить.

Покидали родные земли отцы, братья, сыновья. Ехали за заработком в Америку, Австралию, Францию. На родине старели и умирали жены-вдовы, росли дети, не знающие отцов.

— Тридцать лет назад уехал из Албании и я, — так сказал Хаджи Брегу, и волнение, звучавшее в его глуховатом голосе, невольно передавалось всем нам. — Оставил здесь жену, двух ма-

леньких детей и уехал в Австралию. Не богатства искал я там. Мне нужно было заработать только кусок хлеба, чтобы накормить сыновью. Я потерял родину, потерял семью, а на чужбине нашел все то же, от чего бежал. Работал за троих, а получал столько, что трудно было прокормиться и одному. Умерла жена. Я не простился с ней. Выжил сыновья. Я не видел, как росли они. Я все ходил и ходил по чужой земле, думая о родине. Не знаю, помете ли вы, что переживает человек, когда у него отнимают ее. Страшней этого нет ничего!

Взгляд Брегу устремлен в невидимые для нас дали, и казалось, вновь оживил перед ним «Долина слез», откуда уходили в неведомое трагичное странствие тысячи албанцев, оставшая поруганная захватчиками земля. Немногие остались в живых из тех, кто вместе с Брегу отправился тогда в путь. Но те, кто жив, до кого доходят удивительные вести о новой жизни в Албании, устремляются к ней через все преграды. Не перечислить всех, для кого кончилась теперь безродная, бесприютная эмигрантская жизнь, и возрожденная родина вернула им гражданское достоинство, семьи, радость свободного труда.

Морщинистая смуглая рука Брегу с силой сжала крохотную рюмку с золотистым напитком, и мы отвели глаза, чтобы дать старику справиться с охватившим его волнением. Он продолжал: — Прошло тридцать лет. Я читал письма сыновей и очень хотел верить тому, что писали они. Но в это трудно было поверить. Наконец я решился и приехал... Кончился злой кругобет*. За мою родину... За возвращенную родину!

Далеко позади остались «Виктория» и наши друзья из этого кооператива. Нас захватили новые впечатления и новые встречи. Но мы вновь и вновь возвращались мыслью к тому большому, важному, о чем повел с нами речь Хаджи Брегу — о родине потерянной и родине обретенной.

Здесь мне хочется, минуя города и села Албании, перенестись в Афины, к тем встречам, которые заставили нас вернуться мыслью к далекому албанскому кооперативу, где седой человек проникновенно и строго сказал: если у человека отнимают родину, нет горя тяжелее этого.

...Пирей встретил нас солнечным жарким днем, мирной голубиной моря и отнюдь не мирными военными кораблями под американскими флагами, неведомо от каких вражеских сил охраняющих Грецию. Для многих из нас, представителей сугубо гражданских профессий, представление о военных базах обрело здесь весомость и зримость. Встречи же с американскими матросами, которые были всюду, — на Акрополе и в археологических музеях, патрулировали на улицах Пирея и Афин, заполняли кафе и магазины, — достаточно красноречиво пополнили наши первые впечатления о Греции.

Мы возвращались на корабль. В маленькой портовой лавочке, где мы покупали памятные подарки — крохотные амфоры и тарелочки с изысканным соусом, невольно передавалось все нам. — Оставил здесь жену, двух ма-

* Так называли в Албании отъезд за границу в поисках заработка.

В. ЕЛИШЕВА

В Албании
Рисунок Н. Воробьева